

Ю.Г. Бит-Юнан

Полемика о текстологической корректности
советских изданий
романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба»
в русскоязычной критике и публицистике

Опираясь на критические статьи о первых редакциях романа В.С. Гроссмана «Жизнь и судьба» и воспоминания издателей книги, автор исследования восстанавливает историю текстологической работы над книгой. Он демонстрирует противоречия, возникающие при сопоставлении различных источников, и ставит вопрос о корректности ныне тиражируемой редакции романа.

Ключевые слова: В.С. Гроссман, Е.Г. Эткинд, А.Г. Бочаров, «Жизнь и судьба», критика, публицистика.

История создания и публикации сталинградской дилогии В.С. Гроссмана неслучайно привлекает внимание литературоведов. Она будто отражает условия существования советской прозы – и легальной (роман «За правое дело»), и нелегальной (роман «Жизнь и судьба»). При этом основное внимание критики и исследователи традиционно уделяли второй книге, где все представляло собой загадку: от времени и условий ее написания до конфискации рукописей агентами КГБ, а затем возвращения книги читателю.

Есть, однако, в этой увлекательной истории сюжет, до сих пор не описанный и не менее авантюрный, – подготовка романа к печати за границей и в СССР и реакция критики, возникшая в этой связи.

* * *

Рукописи «Жизни и судьбы», как известно, были конфискованы у Гроссмана в феврале 1961 г. Однако, по разным свидетельствам,

незадолго до того Гроссману удалось спрятать два экземпляра романа. Один взял на хранение переводчик и поэт С.И. Липкин¹, другой – университетский друг Гроссмана В.И. Лобода. Позже дочь Лободы Мария Вячеславовна (в замужестве Крылова) отдала этот экземпляр пасынку Гроссмана Ф.Б. Губеру². В 1974 г. Липкин попросил советского прозаика В.Н. Войновича помочь передать рукописи за границу. Войнович сфотографировал роман и отослал пленки на Запад – как именно, не известно. Не дождавшись результата, он отправился к А.Д. Сахарову и Е.Г. Боннер, они у себя дома также сфотографировали роман, после чего пленки снова были отправлены за границу. И в этом случае мы не знаем, кто их туда переправлял и как. В 1975–1976 гг. в журнале «Континент» были изданы 23 главы романа³.

Впрочем, уже здесь, на первом этапе эдиционной истории, возникает текстологическая проблема. В 2010 г. в книге «Автопортрет. Роман моей жизни» Войнович отметил: Н.Е. Горбаневская, сотрудница «Континента», «утверждала, что на пленках разные тексты и плохо читаются»⁴. Но как могли на пленках оказаться разные тексты, если и Войнович, и Сахаров с Боннер фотографировали один и тот же текст, доверенный им Липкиным? Безусловно, Горбаневская могла ошибиться, но история «Жизни и судьбы» до сих пор воссоздается во многом именно на основе мемуаров, поэтому и это свидетельство должно быть учтено. Следовательно, неизбежен вопрос, каков источник 23 глав, опубликованных в «Континенте». Все ли взяли с одной пленки – или что-то брали со второй, на которой, по мнению Горбаневской, был другой текст? Пояснений подобного рода в «Континенте» не было. Вопрос до сих пор остается без ответа.

Однако через четыре года, в 1980 г., в Лозанне вышло первое книжное издание «Жизни и судьбы»⁵. И здесь тоже есть нерешенные текстологические вопросы, хотя их и обходят стороной. По словам Е.Г. Эткинды, готовившего вместе с Ш.П. Маркишем книгу к публикации, у них также было два микрофильма романа и тексты различались. В то же время обе пленки были дефектными: некоторые фрагменты невозможно было прочесть ни на одной из них. Для того чтобы заполнить все возможные лакуны, Эткинд и Маркиш решили совместить две версии романа. «К счастью, сопоставление обоих текстов позволило заполнить почти все пробелы, а также исправить многие ошибки; два варианта послужили основой для одной – синтетической редакции»⁶. С точки зрения источниковедческой, совмещение редакций одного текста – это крайняя мера, но вряд ли в тех условиях, в которых оказались Эткинд и Маркиш, можно было сделать больше и поступить профессиональнее.

Иначе складывалась редакционная судьба книги на родине писателя.

В СССР роман впервые был напечатан в 1988 г. в первых четырех номерах журнала «Октябрь»⁷. И это издание назвать текстологически корректным также нельзя. Об этом в начале 1988 г. писал Эткинд в статье «Жизнь и судьба книги». В то, что «Жизнь и судьбу» когда бы то ни было опубликуют в СССР, он, по собственному признанию, никогда не верил. Но факт остается фактом: книга «публикуется – в журнале “Октябрь”, выходящем тиражом в 250 тысяч экземпляров»⁸.

Советские редакторы и критики прекрасно видели противоречие между событием и контекстом и всячески пытались его снять. В частности, они изъяли все фрагменты, в которых содержались критические замечания о личности Ленина.

Эткинда это обстоятельство изумило:

Разумеется, последняя фраза цензурой снята. А, собственно, почему? Ведь автор не отвечает за то, что говорят его персонажи, тем более что у Гроссмана всегда спор, всегда столкновение противоположных мнений. А уж если цензурировать, то литературная этика требует в местах, где допущены пропуски, ставить многоточия⁹.

Хотя, казалось бы, странно говорить о литературной этике, постановке многоточий и разграничении авторских суждений и суждений его персонажа, когда речь идет о журнальной публикации того романа, который некогда был запрещен в государстве, созданном Лениным.

В июне того же 1988 г. в журнале «Страна и мир» Эткинд опубликовал еще одну статью, посвященную гроссмановскому роману, – «Нет двух правд. О советском издании романа Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”».

Само название его статьи отсылало к цитате из книги: «Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды, либо с осколочками, с частицей правды, с обрубленной, подстриженной правдой. Часть правды – это не правда». Эти слова были, согласно Эткинду, заботливо сохранены редакцией «Октября», однако их контекст (им предшествовал рассказ о безобразном поведении генералов на войне) был снят. В причине этого изъятия Эткинд не сомневается: редакторы «Октября» решили, что не следует порочить имена известных военачальников. Однако, оградив имена В.И. Чуйкова и А.И. Родимцева от позора, они покрыли позором себя: «Неужели опытные редакторы “Октября” не заметили, в какое глупое положение они сами себя поставили? Ну хоть бы уж выкинули весь абзац о правде [...] Получился ведь анекдот»¹⁰.

Однако есть в журнальной версии купюра куда большего масштаба, нежели описанная выше. По словам Эткинды, «публикаторы “Жизни и судьбы”, снимавшие там и сям по фразочке, по придаточному предложению или даже словечку, один раз позволили себе сократить *целую главу*». Речь здесь идет о 32-ой главе второй части романа, посвященной размышлениям Гроссмана об истоках государственного антисемитизма. Она была напечатана отдельно в 9-ом номере «Октября» за 1988 г.¹¹

В конце 1988 г. появилась первая книжная публикация романа¹². Издательство «Книжная палата» решило взять в качестве основы напечатанный «Октябрем» текст и внести в него некоторые изменения. Об этом мы узнаем из книги воспоминаний главного редактора издательства В.Т. Кабанова «Однажды приснилось. Записки дилетанта», опубликованной в 2000 г.¹³

Он писал, что его жена, И.Л. Кабанова, была недовольна «октябрьской» публикацией. Обработку текста она начала с расстановки знаков препинания. Однако уже тут она столкнулась с многочисленными трудностями. И это, по словам Кабанова, «только один пример работы впотьмах, на ощупь». К сожалению, информации о других подобных примерах в мемуарах мы не находим.

Удачей было и то, что за день до сдачи рукописи в набор Кабанова получила от дочери Гроссмана Е.В. Коротковой-Гроссман ксерокопию швейцарского издания романа. Времени было катастрофически мало, и Кабанова предпринимала «последние попытки угадать волю автора в многочисленных неясных и спорных местах», уже когда шла верстка. Однако завершить эту работу она, если судить по воспоминаниям ее мужа, все же не успела. Это досадное обстоятельство тем не менее не вызывает упрека или сомнения – на кону был издательский план. Однако упоминание о множестве «спорных мест» настораживает. Согласно Эткинду, журнальное издание все же не так сильно отличается от лозаннского. В «Октябре» убрали пассажи о личности Ленина, сняли рассуждения о поведении генералов на войне и с опозданием напечатали 32-ю главу второй части. Откуда взяться множеству разночтений и почему они не указаны? Более того, пассажи о Ленине в книжном издании так и не были восстановлены¹⁴.

Иначе говоря, сотрудникам «Книжной палаты» удалось передать читателю редакцию более полную, нежели «октябрьская», однако о ее корректности в целом говорить все же нельзя, поскольку она представляла собой синтез компилятивной лозаннской редакции и цензурированной «октябрьской», тоже созданной на основе швейцарской. Впрочем, публикаторы и не скрывали того, что издание нуждается в доработке¹⁵. Более того, в конце книги

анонсировалась скорая публикация уточненной редакции «Жизни и судьбы»¹⁶.

Второе издание вышло в 1989 г. В предисловии к нему говорилось, что книгу решили печатать, поскольку в распоряжении «Книжной палаты» оказались черновик и беловик романа¹⁷. Однако, по словам составителя, с беловиком была проблема. Гроссман «не успел сличить его с черновиком и многочисленные ошибки машинисток исправлял не по оригиналу, а *по новому разумению*, к тому же далеко не все из них заметил, особенно в тех случаях, когда они не исказили впрямую смысл».

Формально перед нами объяснение. Но вопросов в нем больше, чем ответов. Кто и как сумел определить, что Гроссман сличил, а что – нет? На каком основании редактор решает, что считать или не считать ошибкой, тем более, если из так называемой ошибки выходит новая идея? Речь ведь идет об ошибках не только машинисток, но и самого Гроссмана. И наконец, мог ли сам автор романа, внося правку в беловик, не заметить в нем «множества ошибок», допущенных нерадивыми машинистками?

Подобные прецеденты, в общем-то, известны. Можно взять в качестве примера «смыслообразующую» ошибку из романа И.А. Ильфа и Е.П. Петрова «Двенадцать стульев». В ранних публикациях романа Остап Бендер давал старгородскому беспризорнику «нагретое» яблоко, что даже впоследствии позволило некоторым исследователям интерпретировать образ «великого комбинатора» как inferнальный. На самом же деле все было прозаичнее. Машинистка допустила опечатку в слове «налитое», а авторы этого не заметили¹⁸.

Однако Ильф и Петров не заметили одной ошибки – а в «Жизни и судьбе» речь идет о множестве таких случаев. Если уйти от красивых слов и обтекаемых формулировок, то в сухом остатке мы получим почти сюрреалистическую картину: Гроссман отдает черновик машинисткам – те кое-как его перепечатывают, допуская «множество ошибок», но Гроссман этого просто не замечает и преобразует ошибки машинисток в новые смыслы. Некоторые из них настораживают редакторов, потому что те, видимо, лучше понимают авторский замысел, чем сам автор. Но вот какие именно высказывания были сочтены спорными и почему, не поясняется.

Ситуация все же становится чуть понятнее, если рассматривать «черновик» и «беловик» не как черновик и беловик – а как две разные редакции романа. На это указывает и процитированное выше предисловие, где разница между текстами была признана смыслообразующей. Именно «новое разумение» позволило читать тексты как самостоятельные.

Однако дальше ситуация запутывается еще больше. Кабанов описал в мемуарах, как именно два текста романа оказались в «Книжной палате». «Черновик» туда принес пасынок Гроссмана Ф.Б. Губер, а беловик был получен от Липкина:

Семен Израилевич назначает встречу в редакции «Октября» и там торжественно и просто передает издательству «Книжная палата» беловую рукопись романа, перепечатанную с черновика, хранившегося у Лободы, и *проверенную автором*.

О том, как проходила дальнейшая работа, и, в частности, о том, как работали А.Г. Бочаров и Л.И. Лазарев с рукописями «Жизни и судьбы», Кабанов не стал писать. Видимо, не хотел повторять сказанного в предисловии, но не исключено также, что он хотел избежать еще большей путаницы. Его свидетельство явно указывает на бессмысленность проведенной в «Книжной палате» работы. Раз у редакторов оказался *проверенный* автором «беловик», то зачем слышать его с «черновиком», а затем их компилировать?

Остается последнее обстоятельство. Точнее, последняя проблема. Если беловик был проверен автором, как же получилось, что в нем не было посвящения матери? Сам факт, что он посвятил ей книгу, уже не был новостью. Об этом еще в 1980 г. писала Н.А. Роскина, близко знавшая Гроссмана¹⁹. А в октябре 1988 г. в газете «Неделя» были напечатаны два письма, в которых Гроссман обращался к уже покойной матери. В более позднем, написанном в 1961 г., было сказано: «А когда я умру, ты будешь жить в той книге, которую я посвятил тебе, и судьба которой схожа с твоей судьбой»²⁰. Трудно поверить, что Гроссман забыл поставить посвящение в последней, вычитанной и исправленной редакции. Это вызывает сомнения в том, что у Липкина была более поздняя редакция, чем у Лободы. А поскольку текст, хранившийся у Лободы, а теперь находящийся в Литературном музее Москвы, буквально черный от правки, то можно предположить, что текст этот перепечатывали набело. И в него Гроссман тоже мог внести правку. Если так, то последняя редакция романа до сих пор не установлена и не опубликована, о чем не раз сигнализировали критические статьи о нем и предисловия к его изданиям.

Однако на этот вопрос, как представляется, можно найти ответ, в отличие от многих других вопросов, поставленных в этой статье. В апреле 2013 г. ФСБ официально передала конфискованные в 1961 г. материалы, относящиеся к роману «Жизнь и судьба», в РГАЛИ. Следовательно, появление более корректного издания романа – дело времени.

- ¹ См.: *Липкин С.И.* Рукописи не горят: Как был спасен роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Русская мысль. 1989. 5 мая.
- ² См.: *Губер Ф.Б.* Возвращение романа Василия Гроссмана // Книжное обозрение. 1989. 10 марта.
- ³ *Гроссман В.* За правое дело: Главы из второй книги романа // Континент. 1975. № 4. С. 179–216; *Он же.* За правое дело: Главы из второй книги романа // Континент. 1975. № 5. С. 7–39; *Он же.* Жизнь и судьба: Главы из второй книги романа // Континент. 1976. № 6. С. 151–171; *Он же.* Жизнь и судьба: Главы из второй книги романа // Континент. 1976. № 7. С. 95–112; *Он же.* Жизнь и судьба: Главы из второй книги романа // Континент. 1976. № 8. С. 111–133.
- ⁴ *Войнович В.Н.* Автопортрет: Роман моей жизни. М.: Эксмо, 2010. С. 596.
- ⁵ *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. Losanne: L'aged'Homme, 1980.
- ⁶ *Эткинд Е.Г.* Двадцать лет спустя // Гроссман В.С. Жизнь и судьба. Losanne: L'aged'Homme, 1980. С. XI.
- ⁷ *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 1. С. 3–104; № 2. С. 27–109; № 3. С. 25–156; № 4. С. 3–148.
- ⁸ *Эткинд Е.Г.* Жизнь и судьба книги // Время и мы. 1988. № 101. С. 200.
- ⁹ Там же. С. 202.
- ¹⁰ *Эткинд Е.Г.* Нет двух правд: О советском издании романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» // Страна и мир. 1988. № 6. С. 133.
- ¹¹ См. подробнее: Отклик // Октябрь. 1988. № 9. С. 205.
- ¹² *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988.
- ¹³ Здесь и далее цит.: *Кабанов В.Т.* Однажды приснилось: Записки дилетанта. М.: Материк, 2000. С. 390–397.
- ¹⁴ См.: *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988. С. 453–456; 618–619; 676; 762.
- ¹⁵ См.: *Короткова-Гроссман Е.В.* Жизнь и судьба книг Василия Гроссмана // Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988. С. 5–13.
- ¹⁶ Продолжение судьбы // Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1988. С. 815–816.
- ¹⁷ Здесь и далее цит.: От издательства // Гроссман В.С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 12–14.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Миры И.А. Ильфа и Е.П. Петрова: Очерки вербализованной повседневности. М.: РГГУ, 2015. С. 32.
- ¹⁹ *Роскина Н.А.* Василий Гроссман // Роскина Н.А. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 113.
- ²⁰ *Губер Ф.Б.* Письма матери // Неделя. 1988. 16 окт.